

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.27>

UDC 93(5)(049.32)
LBC 63.3(5)я1

Submitted: 17.03.2023
Accepted: 30.06.2023

DID ANTIQUITY DISAPPEAR IN THE CITIES OF ASIA MINOR LONG BEFORE THE FALL OF THE ROMAN EMPIRE?

(Book Review: Pont, A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin* / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57))

Alexander S. Kozlov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The publication is a review of a monograph by Anna-Valerie Pont, Professor of the Sorbonne, devoted to an attempt to determine the time of the disappearance of an ancient city (polis) on the material of Asia Minor. *Analysis and results.* There is an extensive and complex source base of research in terms of composition and quality, which includes both scanty reports of late Antique and early medieval written heritage, as well as archaeological data, among which the author legitimately highlights epigraphic material. As criteria for the extinction in the city, it is the ancient indicators of public life that have priority: the decline in the functioning of self-government institutions by urban communities, a decrease in the activity of wealthy citizens in organizing spectacles, subsidizing essential products, an increase in the specific weight of imperial bureaucratic control and local management, an increase in the influence of Christians on public processes in policies. The review indicates that the French researcher actually ignored the evolution of municipal property (the degradation of which in the chronological framework under consideration was very modest). In fact, the evolution of such estates as curiales and plebs (whose position at the time under consideration was by no means catastrophic) was also left aside. The social historical realities in the monograph are touched upon only insofar as they are related to institutional elements (the work of city councils, the implementation of magistracies, etc.). The author of the review points out that such a method of analyzing late-antique processes is outdated and goes back to the Enlightenment views on the fall of the Roman Empire. The review focuses on the legitimacy of the priority of epigraphic monuments for the disclosure of the stated topic (due to the insufficiency of narrative sources). However, consideration of the reduction in the number of such monuments at the turn of the 3rd – 4th century (compared with the times of the classical Empire) as an indicator of the extinction of the antique parameters of the policy is doubtful.

Key words: Late Antique civilization, Late Antique epigraphy, Asia Minor at the beginning of the early Byzantine period, ancient archaeology of Asia Minor, the end of the ancient polis in Asia Minor.

Citation. Kozlov A.S. Did Antiquity Disappear in the Cities of Asia Minor Long Before the Fall of the Roman Empire? (Book Review: Pont, A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin* / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57)). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 377-384. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.27>

**ИСЧЕЗЛА ЛИ АНТИЧНОСТЬ В ГОРОДАХ МАЛОЙ АЗИИ
ЗАДОЛГО ДО ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ?**

(Рец. на кн.: Pont, A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin* / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57))

Александр Сергеевич Козлов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на монографию профессора Сорбонны Анны-Валери Понт, посвященную попытке определить время исчезновения античного города (полиса) на материале Малой Азии. Отмечается обширная и сложная по составу и качеству источниковая база исследования, в которую включены как скудные сообщения позднеантичного и раннесредневекового письменного наследия, так и данные археологии, среди которых автор правомерно выделяет эпиграфический материал. В качестве критериев угасания в городе именно античных показателей общественной жизни приоритетом обладают: спад функционирования институтов самоуправления городскими общинами, снижение активности зажиточных граждан в организации зрелищ, дотировании продукции первой необходимости, нарастание удельного веса имперского бюрократического контроля и управления на местах, рост влияния христиан на общественные процессы в полисах. Рецензия указывает на фактическое игнорирование французской исследовательницей эволюции муниципальных имуществ (деградация которых в рассматриваемых хронологических рамках была весьма скромной). Фактически оставлена в стороне также эволюция таких сословий, как куриалы и плебс (положение которых в рассматриваемое время отнюдь не было катастрофичным). Социальные исторические реалии в монографии затрагиваются лишь постольку, поскольку связаны с институциональными элементами (работой городских советов, осуществлением магистратур и т. п.). Автор рецензии указывает, что подобная методика анализа позднеантичных процессов устарела и восходит к взглядам Просвещения на падение Римской империи. В рецензии делается акцент на правомерности приоритета эпиграфических памятников для раскрытия заявленной темы (ввиду недостаточности нарративных источников). Однако рассмотрение сокращения числа таких памятников на рубеже III–IV вв. (по сравнению с временами классической империи) как показателя угасания античных параметров полиса вызывает сомнения.

Ключевые слова: позднеантичная цивилизация, позднеантичная эпиграфика, Малая Азия начала ранневизантийского времени, античная археология Малой Азии, конец античного полиса в Малой Азии.

Цитирование. Козлов А. С. Исчезла ли античность в городах Малой Азии задолго до падения Римской империи? (Рец. на кн.: Pont, A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à Constantin* / A.-V. Pont. – Genève : Droz, 2020. – XIII, 585 p. – (Hautes études du monde gréco-romain ; vol. 57)) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 377–384. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.27>

Введение. Монография представляет собой сложное и амбициозное исследование, посвященное поиску обстоятельств, связанных с исчезновением активных «гражданских сообществ» (*communautés civiles*), которые составляли основу полисов Малой Азии во времена эллинизма и Римской империи. Подобная постановка проблемы очень важна не

только для антиковедов, но и византинистов, учитывая принципиальность места Анатолии в становлении и развитии империи ромеев. Тема эта, надо сказать, была одной из ведущих в советском антиковедении и византиноведении, но с 90-х гг. стала заметно вытесняться на периферию отечественных изысканий. В основе же книги Анны-Валери Понт

легла ее солидная диссертация (нацеленная на обретение степени хабилированного доктора), содержащая подробный обзор свидетельств о начале деградации исследуемого объекта как «традиционного архетипа» (*archétype traditionnel*), то есть в период с середины III в. до смерти Константина I. Цель, поставленная в монографии, четкая – рассмотрение свидетельств о «конце греческого города в Малой Азии как политической и институциональной модели, наделенной общинными ценностями» [9, р. 3].

Анализ. Прежде всего следует отметить, что автор исходит из того понимания гражданской жизни в античности, которое постулируется такими крупными специалистами, как П. Браун и Л. Роберт. Главное в этой концепции – именно полисы обеспечивали гражданам «общее благо», а не какие-то иные, более универсальные формы консолидации людей в Поздней Античности. При этом Понт старается усилить весомость данной позиции указанием на апофеоз полисной модели в период Римской империи, характеризующийся партнерским взаимодействием гражданских коллективов и государства. Отчасти с таким подходом можно было бы и согласиться, но здесь Понт принимает во внимание прежде всего размышления Джона Ма об *Euboikos*, а П. Манена – о «политической энергии», которые имели своим результатом формирование подлинно «гражданских сообществ», а не только городских центров [5; 6, р. 17–18]. По этой причине французская исследовательница стремится понять, что происходило до того, как советы декурионов заняли ведущее положение в восточно-имперских полисах (то есть до предмета изысканий В. Либешюца) [4], и не согласна с попытками такого византиниста, как М. Уиттоу, отстоять существование в то время признаков «непрерывной истории» городов (см.: [11]). Кроме того, исследовательница, по сути, дезавуирует подход к данной теме такого специалиста, как С. Митчелл (взгляды которого на судьбы позднеантичных полисов в западном антиковедении и византиноведении до появления книги Понт представлялись наиболее актуальными): она считает, что элементов прежней гражданской жизни было уже недостаточно для поддержания стареющей модели полиса, и утверждает, что

конец последнего определялся не только решениями центральной власти (что верно, то верно! – А. К.), а скорее «быстрым изменением местного менталитета», когда город переставал быть интересным и подходящим местом для жизни общины¹ [9, р. 20]. Здесь необходимо заметить, что Понт в данном случае явно не в ладах с причинно-следственными связями, ибо новый менталитет не рождается сам по себе. Правда, надо отдать автору должное, она справедливо указывает на сложность и определенную скудость доступных источников (действительно, письменная традиция, касающаяся позднеантичной Малой Азии, бедновата, а огромный археологический материал носит «очаговый» характер, во многом не опубликован, а опубликованный не подвергнут универсальной систематизации). Для преодоления такой ситуации Понт предлагает сравнивать малоазийский материал с североафриканским. Сразу же отмечу – подобная методика отчасти оправдана (ибо африканский материал не просто обилен, а на сегодняшний день лучше систематизирован), но содержит и немалые риски (позднеантичные системы Магриба отличались своеобразием и большей живучестью, что обусловило, наряду с прочим небывалый для раннего средневековья расцвет региона, – до вторжений племен бану хильяль, бану сулейм и кочевников из западной Сахары в середине XI в.).

Не менее примечательно (по характеру методики) деление основной части книги на три главы: I. Города Малой Азии перед лицом новых вызовов с середины III в. до 280-х гг., II. Греческие города и имперская структура до Диоклетиана, III. Распад гражданских связей (*Dissolution des liens civiques*). Российский специалист, исходя из названия первой главы, в основном должен ожидать анализа социальных перемен в полисах в обстановке «кризиса III века» (деградация городской собственности, расслоение сословия декурионов и т.п.). Однако Понт акцентирует внимание на сообщениях источников о здешних религиозных преследованиях во времена Траяна, Деция и Проба. Цель автора состоит не в том, чтобы измерить уровень христианизации Малой Азии (подход, привычный для западной историографии), а скорее в том, чтобы тщательно изучить эти безусловно важные свидетельства о

persecutiones с учетом отсутствия подобных сведений в эпиграфических источниках, – ибо по мнению исследовательницы, гонения подвергли испытанию греческую гражданскую модель непосредственно перед так называемыми «готскими вторжениями». Надо отдать должное автору – соответствующая информация представлена в упорядоченном формате и с чрезвычайной степенью детализации (даже тогда, когда источники такого рода, например, мартирологи и жития, большинство из которых были составлены намного позднее, представляются весьма проблематичными и к ним следует относиться с особой осторожностью, как это и старается делать Понт). Иногда, правда, обращение со многими дошедшими до нас агиографиями (особенно с самыми сомнительными) становится слишком описательным и мало что добавляет к аргументации. Тем не менее такая работа Понт на сегодняшний день представляет собой наиболее полную дескрипцию фактологии persecutiones в Малой Азии. В методику этой дескрипции входит группировка фактов по анатолийским регионам и по правлениям императоров, а также подробный разбор возможной роли мучеников для судеб полисов Малой Азии. Обращает на себя внимание также подчеркивание актуальности местных гражданских структур, – хотя актуальность эта презентуется, на мой взгляд, односторонне: автор пытается описать отношение христианского сообщества к *микрoидентичности* (microidentité, курсив мой. – А. К.), присущей любому полису.

Помня о главной линии и методике главы I, не видишь ничего неожиданного в том, что основной «вызов» полисам Анатолии во второй половине III в. (глава II) иллюстрируют свидетельства о набегах варваров на Малую Азию и анализ возможных последствий таких нападений для гражданских сообществ. Данный подход к теме – еще одно свидетельство того, что постулируемая не так давно в историографии (в том числе – в западной), мысль об окончании «эпохи А.Х.М. Джонса» (подразумевающей не только подробнейшее описание фактологии кризиса и распада Римской империи, но и выделение внешнего фактора как основного для понимания этого кризиса), мягко говоря, не состоятельна (вспом-

ним авторитетные ныне на Западе труды Е.А. Томпсона, П. Хизера, Д. Мэтьюза, Р. Коллинса, В. Ланкона и др., которым в целом противостоят работы сторонников многофакторности причин краха античности – Б. Уорда-Перкинса, Э. Камерон, А. Демандта и т. д.). В самом деле, благодаря сообщениям историков, таких как Дексипп, которые больше других интересовались местными событиями, можно заметить, что города оказывали сопротивление варварам даже при неблагоприятных обстоятельствах, о чем, возможно, также свидетельствуют многочисленные клады монет того времени, найденные в регионе [9, p. 125]. Эпиграфические материалы по данному сюжету оказываются, однако, еще более иллюстративны, и разбор этой информации, прodelываемый Понт на протяжении всей главы, можно считать весьма полным и по очень многим эмпирическим моментам убедительным. Некоторая критика касательно такого рода эмпирики может быть выдвинута на том основании, что автор склонен включать в соответствующий круг надписи, датировка которых далека от определенности (например, [9, p. 144–145, 161]. Это выглядит особенно проблематично в разделе, посвященном строительству укреплений в Малой Азии III в., поскольку исследовательница сама пишет, что эпиграммы в честь правителей и особенно в память о постройках «берут начало в конце II века» [9, p. 137] (ср.: [8]). В любом случае очень показательны выводы после таких наблюдений: реакция малоазийских общин на указанные драматические события похоже, ориентирована на прошлое [9, p. 154], не произошло и дестабилизации «гражданского корпуса» (corps civique), который сохраняет свою былую идентичность; имело место, скорее, изменение форм в структуре гражданской автономии (как ответ на внешние воздействия), в то время как межполисные связи сильно пострадали [9, p. 174–178]. Замечу, однако, что указанное Понт «перформативное» (réforme) в восточных провинциях империи (особенно в Сирии и Малой Азии) исходило уже на рубеже III–IV вв. из сосредоточения земли горожан все более в руках куриалов. Особенно это было заметно в Малой Азии, где решительно преобладали малые города (до 5 тыс. жителей) и где

мелкие земельные собственники со второй половины III в. мигрировали в города средние (до 10–20 тыс. жителей). Значительная часть земель в округе города оставалось в III–IV вв. в муниципальной собственности (ἀγροὶ τῆς πόλεως, κт...μα τῆς πόλεως), но распоряжение доходами с нее все более сосредоточивалось в руках узкой куриальной верхушки (крупные землевладельцы, *principales*, в малом городе не жили) [1, р. 46–79]. Иначе говоря, внешняя стабильность таила в себе будущие серьезные общественные перемены. Определенное выражение такой общественной перемены тезис находит тогда, когда французская исследовательница рассматривает свидетельства (по большей части эпиграфические), иллюстрирующие тот непреложный факт, что местные политические сообщества Малой Азии все еще функционировали, несмотря на быстрые изменения на имперском уровне. Примечательно, что для подтверждения такого важного вывода, во-первых, предлагается сравнение с полисами Ранней империи с городами Магриба II–III вв. – и только после этого Понт констатирует, что корпоративное управление на местах оставалось необходимостью. Затем автор рассматривает те аспекты полисного самоуправления, которые наиболее выразительно подчеркивали бы яркие свойства (или же отсутствие таковых) местной *политеία*: значимость корпораций демоса, городских советов, магистратур, систем кооптации, иерархизации... Вывод для Понт очевиден: гражданская система продолжала функционировать в прежнем виде во второй половине III в. и даже в начале IV в., но в ней начинают происходить некоторые изменения (если сравнивать с более стабильными африканскими городами), особенно в отношении элит (*grands notables*), чей вес на гражданской сцене начинает уменьшаться [9, р. 218]. Опять же, некоторые из этих интересных наблюдений основаны на эпиграфических материалах, которые весьма немногочисленны и весьма спорно датируемы, что иногда признается самим автором (например, [9, р. 188–190, 192, 212–213]). Однако довольно уместное здесь исследование «внегражданских» способов саморекламы, практикуемых некоторыми представителями городской верхушки, удачным назвать нельзя, и я считаю, что в данном случае пред-

варять анализ должны были бы соответствующие оговорки и глубокое рассмотрение эпиграфического этикета (графаретов). Ибо в итоге мы читаем о «деполитизации» элит, которые уже не идентифицируются по их щедротам в адрес местных общин, потому что «культурные и социальные авторитеты отходят от гражданской активности, идеально описанной Лукианом Самосатским и его современниками» [9, р. 245].

По-своему логично, что когда Понт анализирует растущую централизацию имперской власти, особенно после установления тетрархии, то она описывает создание новых «административных иерархий» (*hiérarchies administratives*), призванных серьезно повлиять на полисное самоуправление. Следует отметить, что в рассмотрении этой сложнейшей проблемы исследовательница весьма скрупулезна (в том, что касается эмпирики) и она подробно разбирает такие реалии, как местные литургии, налоговые реформы, изменения гражданского статуса и реорганизация провинций Диоклетианом. Главный вывод в связи с этим (после рассмотрения огромного количества соответствующего источникового материала как из Малой Азии, так и из ряда иных регионов) заключается в том, что интерес центральной власти к местным проблемам упал, а роль *политеία* снизилась и, как следствие, «политическая энергия» была удалена из публичного пространства [9, р. 331–334]. Мало того, в книге Понт утверждается, что большая часть местных доходов была присвоена центральной властью (тезис весьма спорный в свете современных взглядов на судьбы городских имуществ в рассматриваемый период). Тем не менее следует согласиться с тем, что изменения в управленческой системе не просто повлияли на социальные отношения внутри полисов; произошли изменения в местной политической культуре, и это во многом объясняет сокращение числа общественных эпиграфических памятников, установленных тогда городскими общинами.

Не удивительно, что, исходя из совокупности такого рода постулатов, исследовательница считает период с 303 по 324 г. временем нестабильности. В качестве отправной точки *instabilités* рассматриваются гонения Диоклетиана, а потому автор подробно разбирает со-

ответствующие агиографические источники и то и дело подчеркивает возрастающую роль христиан в общественной жизни. Подход абсолютно не новый (если учитывать проблематику основной темы исследования) и опять-таки демонстрирует оттеснение социальных процессов в позднеантичной гражданской общине на задний план. И в то же время даже такой анализ показывает, что, в отличие от Африки, полисы Малой Азии не остаются «нейтральными местечками» с античными ценностями [6, р. 218; 7, р. 59], и лучшей иллюстрацией тому, по мысли Понт, является анализ знаменитой надписи из Памфилии, датированной 311 г. и соотносимой с нюансами политики Максимиана Дазы. При Лицинии процесс подобной трансформации полисных коллективов, по мнению Понт, остановился и даже пошел вспять: трудности курий с выполнением их обязанностей возросли; а консолидация новых имперских центров управления (в том числе – Константинополя) укрепила тенденцию к деполитизации граждан малых и средних городов. В конечном счете, считает Понт, эти новые факторы оказались способны спровоцировать или усугубить застой внутри тех гражданских сообществ, где было большое число христиан [9, р. 396], а гражданская война, завершившаяся битвой при Хрисополе, «похоже, знаменовала конец многосекулярного консенсуса, который делал полис всеобщим идеалом» [9, р. 401]. Данные суждения весьма сомнительны. Во-первых, кроме всего прочего, до сих пор не существует методики подсчета того критического числа христиан, после которого начинается упадок античных ценностей в полисе. Во-вторых, отведение христианству ведущей роли в кризисе полисной системы – мысль, восходящая к просветителям XVIII в. и особенно к Э. Гиббону, в рассматриваемом в книге Понт контексте, с учетом массы исследований этого контекста в XX в., выглядит нонсенсом. В-третьих, приписывание в подобном ключе эпохальной значимости победе Константина над Лицинием (якобы тотальным защитником уходящим в прошлое ценностей) – также мысль, по уровню своему восходящая к логике Просвещения и игнорирующая массу современных исследований.

Поэтому не удивляет, что при оценке всех зафиксированных в биографии тенденций в эво-

люции полиса в связи с реалиями, имевшими место после победы Константина, социальным факторам ведущей роли не отведено. Конечно, французская исследовательница внимательно изучает опубликованные материалы Орциста (Памфилия), а также другие аналогичные публикации эпитафических и археологических данных, связанные с понятием *urbes intermortuae*. Но в целом реалии, служащие показателями успешного функционирования позднеантичных городов (наличие магистратов, муниципальных доходов, учреждения, существующие на пожертвования или организация муниципальных зрелищ игр), рассматриваются применительно ко времени, когда расцветала позднеантичная публичная культура (в параметрах концепций П. Брауна), в которой христиане уже играли значительную роль. Основание именно в то время Константинополя, как отмечает Понт, также имело для указанных тенденций «очевидные последствия» [9, р. 477–479], и многие города оставались важными для восточно-римской администрации и церкви. Возникает, однако, вопрос – только ли создание новой столицы на Босфоре укрепляло значимость полисов? Тем более что Понт заявляет весьма спорный тезис – местное гражданское общество «с его магистратами и священниками больше не является источником власти религиозного, политического или юридического характера; последняя приходит извне» [9, р. 476]. Пусть не малоазиатский, но близкий сирийский материал (Либаний, Феодорит и др.) показывает, что в рамках муниципальных компетенций властные полномочия курий и церкви оставались весомыми даже в позже рассматриваемого Понт времени. Поэтому (но не только поэтому) весьма сомнительно заключение монографии относительно датировки конца античного города в Малой Азии; так, этот конец как его понимает Понт, соотносится с периодом, рассматриваемым в книге. Его причины – сочетание следующих основных факторов: гомогенизация (*homogénéisation*) местных эллинистических институтов в соответствии с римским правом и новой провинциальной администрацией, консолидация новых имперских центров в регионе (Никомедия, Константинополь), определенный период общей нестабильности и деполитизации местных сообществ (особенно заметной по поведению полисных элит) [9, р. 492–496]. Как видим, среди этих факторов нет мес-

та эволюции муниципальной собственности, взаимоотношений структур и страт деревни и города (причем городов разных типов, от малых до крупных, о чем убедительно писал Г.Л. Курбатов), судеб сословия куриалов (уже далеко не однородного) и плебса...

В связи с этим – даже не концептуальное, а чисто методическое замечание. Исследовательница, как видно, очень настойчива в намерении определить конец греческого города как нечто окончательное и абсолютно измеримое. Ибо вся ее датировка этого «конца» в значительной степени основана на констатации отсутствия в Поздней Античности того огромного количества надписей, которые освещали гражданскую жизнь в Малой Азии в эпоху расцвета Римской империи, когда в городах шло интенсивное строительство, финансируемое местной элитой (ср.: [8, р. 50–51]). Корректнее было бы учесть мнение тех специалистов, в том числе в области эпиграфики, считающих, что Поздняя Античность – это особый период, исключительный по эпиграфическому стилю и строительной активности. Поэтому его вряд ли можно измерять параметрами античной классики, касающихся топографии полисов и жизни их граждан. Регионы Писидии или Фригии могут быть хорошим примером этого парадокса. Обнаруживаемые там надписи и монеты немногочисленны до II в. н. э., и все же никто не утверждает, что гражданская жизнь или местная идентичность были при смерти вплоть до времени Антонинов. Во-вторых, автор, несмотря на ее очевидное владение предметом и источниками, похоже, не желает учитывать некоторые более поздние свидетельства, которые могли бы сделать поправки в ее выводы. Я не имею в виду в данном случае такие свидетельства, как информация Либания, который был активным гражданином редкого по имперским меркам крупного полиса [9, р. 481]; речь идет о местных надписях, таких как недавно найденная в Иераполе, где записано, как в правление Констанция II «все гражданство (πολιτευτικόν) выделяло деньги» на театр [10, р. 405], или знаменитый документ времен Валента из Эфеса, сообщающий, что должностным лицам даже скромных общин был оказан «большой почет ради народной привязанности» [2, S. 201]. Я уже не говорю об из-

вестном рассказе Евнапия об отъезде Максима из города под обычные крики народа [3, р. 46] в присутствии тех, кто возглавлял советы (τὸ κρείττον τῶν βουλευτηρίων).

Результаты. Фактология монографии Понт будет интересна всем, кто интересуется не только римской и ранневизантийской Малой Азией, а также местной гражданской жизнью между периодом классической империи и началом Поздней Античности. Реалии, приведенные в книге, крайне значимы для понимания начала заката античной цивилизации в целом. Обобщения же, особенно общего плана, сделанные французской исследовательницей, в значительной мере не просто спорны, но и содержат заряд историографической архаики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Если быть точным, Понт использует в данном случае термин *vie collective*.

REFERENCES

1. Kurbatov G.L. *Osnovnye problemy vnutrennego razvitiya vizantiyskogo goroda v IV–VII vv. (konets antichnogo goroda v Vizantii)* [The Main Problems of the Internal Development of the Byzantine City in the 4th – 7th Centuries (The End of the Ancient City in Byzantium)]. Leningrad, LGUPubl., 1971. 220 p.
2. Wankel H., ed. *Die Inschriften von Ephesos. Teil 1a. Nr. 1–47*. Bonn, R. Habelt, 1979. xii, 302 S. (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien; Bd. 11.1).
3. Sardonius E., Giangrande I., eds. *Eunapii Vitae sophistarum*. Romae, Poligrafico, 1956. xiv, 111 p. (Scriptores Graeci et Latini Consilio Academiae Lyceorum).
4. Liebeschuetz J.H.W.G. *The Decline and Fall of the Roman City*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2001. xvii, 479 p.
5. Ma J. Public Speech and Community in Dio Chrysostom's "Euboikos". Swain, S. *Dio Chrysostom: Politics, Letters, and Philosophy*. Oxford, Oxford University Press, 2000, pp. 108-124.
6. Manent P. *Les métamorphoses de la cité. Essai sur la dynamique de l'Occident*. Paris, Flammarion, 2010. 429 p.
7. Mitchell S. The Cities of Asia Minor in the Age of Constantine. Lieu S.N.C., Montserrat D., eds. *Constantine: History, Historiography and Legend*. London, Routledge, 1998, pp. 52-73.

8. Pont A.-V. Dernières mentions des magistratures et des liturgies traditionnelles dans les cités d'Asie mineure: habitus épigraphique et vie institutionnelle locale à la fin du IIIe et au début du IVe siècle. *Chiron*, 2017, t. 47, pp. 35-55.

9. Pont A.-V. *La fin de la cité grecque: métamorphoses et disparition d'un modèle politique et institutionnel local en Asie Mineure, de Dèce à*

Constantin. Geneva, Droz, 2020. xiii, 585 p. (Hautes études du monde gréco-romain; vol. 57).

10. Chaniotis A., eds. *Supplementum Epigraphicum Graecum. T. LXI*. Leiden, Brill, 2011. xxxviii, 806 p.

11. Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine City: A Continuous History. *Past & Present*, 1990, vol. 129, no. 1, pp. 3-29.

Information About the Author

Alexander S. Kozlov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Prosp. Lenina, 51, 620014 Yekaterinburg, Russian Federation, alarich@olympus.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>

Информация об авторе

Александр Сергеевич Козлов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, просп. Ленина, 51, 620014 г. Екатеринбург, Российская Федерация, alarich@olympus.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>